

Владиміръ (прерываетъ его): — Гдѣ былъ ты вчера?

Бѣлинскій: — На музыкальномъ вечерѣ, такъ сказать. Дѣти дѣлали отцу сюрпризъ, по случаю его именинъ. Они играли на разныхъ инструментахъ—и для нихъ, и для отца это очень хорошо. Не смотря на то, гостямъ, которыхъ было очень много, было очень скучно.

Владиміръ: — Смѣшной народъ! Такимъ образомъ глупое чванство всегда отравляетъ семейный удовольствія.

Бѣлинскій: — Отецъ былъ въ восхищеніи и къ каждому обращалъ глаза съ разными тѣлодвиженіями, каждый отвѣчалъ ему наклоненіемъ головы и довольною улыбкой, и, уловя время, когда бѣдный отецъ обращался въ противную сторону, каждый вѣдалъ безнапашно... Мнѣ показались жалкими этотъ отецъ и его дѣти...

Владиміръ: — А мнѣ жалки безстыдные гости. Не могу видѣть равнодушно этого презрѣнія къ счастью ближняго, какого бы рода оно ни было. Всѣ хотѣли, чтобы другіе были счастливы по ихъ образу мыслей, и такимъ образомъ уязвляютъ сердце, но имѣя средствъ излечить. Я бы желалъ совершенно удалиться отъ людей, но привычка не позволяетъ мнѣ. Когда я одинъ, то мнѣ кажется, что никто меня не любитъ, никто не заботится обо мнѣ... И это такъ тяжело, такъ тяжело!..

Бѣлинскій: — Эхъ! полно, братецъ, говорить пустяки! Товарищи тебя всѣ любятъ... а если есть какіи-нибудь другія непріятности, то надо умѣть переносить ихъ съ твердостью. Все проходитъ: зло, какъ добро...

Владиміръ: — Переносить! переносить!.. Какъ давно твердятъ это роду человѣческому, хотя знаютъ, что такимъ увѣщаніямъ почти никто не слѣдуетъ... Нѣкогда и я былъ счастливъ, невиненъ! но тѣ дни слишкомъ давно соединились съ прошедшимъ, чтобы воспоминаніе о нихъ могло меня утѣшить. Вся истинная жизнь моя состоитъ изъ нѣсколькихъ мгновеній, и все прочее время было только приготовленіе или слѣдствіе сихъ мгновеній... Тебѣ трудно понять мои мечты—я это вижу. Другъ мой, гдѣ найду я то, что принужденъ искать?..

Бѣлинскій: — Въ своемъ сердцѣ. У тебѣ есть великій источникъ блаженства, умѣй только почерпать изъ него. Ты имѣешь скверную привычку разсматривать со всѣхъ сторонъ, анатомировать каждую крошку горя, которую судьба тебѣ посылаетъ. Учись презирать непріятности, наслаждаться настоящимъ, не заботиться о будущемъ и не жалѣть о минувшемъ. Все привычка въ людяхъ; а въ тебѣ больше, чѣмъ въ другихъ.

Зачѣмъ не отстать, если видишь, что цѣль не можетъ быть достигнута. Нѣтъ: вынь да положи!.. А кто послѣ тернишь?

Владиміръ: — Не суди такъ легкомысленно; войди лучше въ мое положеніе. Знаешь ли, я иногда завидую сиротамъ; иногда мнѣ кажется, что родители мои спорятъ о любви моей; а иногда, что они совѣтъ не дорожатъ ею. Они знаютъ, что я ихъ люблю, сколько можетъ любить сынъ... Нѣтъ! зачѣмъ, когда они другъ на друга косятся, зачѣмъ есть существо, которое хотѣло бы ихъ соединить вновь, перелить весь пламень юной любви своей въ ихъ предубѣжденные сердца... Другъ мой, Дмитрій! я не долженъ такъ говорить—но ты, вѣдь, знаешь все, все, и тебѣ я могу повѣрить, что составляетъ несчастье моей жизни, что скоро доведетъ меня до гроба или сумасшествія!..

Бѣлинскій: — Магометъ сказалъ, что онъ опустилъ голову въ воду и вынулъ, и въ это время четырнадцатью годами состарѣлся; такъ и ты въ короткое время ужасно перемѣнился. — Расскажи-ка мнѣ, какъ идутъ твои любовныя похождения?.. Ты хмуришься... Скажи, давно ли ты ее видѣлъ?

Владиміръ: — Давно.

Бѣлинскій: — А гдѣ живутъ Загорскіны?.. Ихъ двѣ сестры; отца нѣтъ—такъ ли?

Владиміръ: — Такъ.

Бѣлинскій: — Познакомь меня съ ними. У нихъ бывають вечера, балы?

Владиміръ: — Нѣтъ.

Бѣлинскій: — А я думаю... Одною все не мѣшается... Познакомь меня.

Владиміръ: — Изволь.

Бѣлинскій: — Расскажи мнѣ исторію твоей любви.

Владиміръ: — Она очень обыкновенна и тебя не займетъ.

Бѣлинскій: — Знаешь ли ты кузину Загорскихыхъ, княжну? Вотъ прехорошенькая и прелюбезная дѣвушка.

Владиміръ: — Быть можетъ. Въ первый разъ, какъ я увидалъ ее, то почувствовалъ какую-то антипатію. Я дурно объ ней подумалъ, не слыхавъ еще ни одного слова отъ нея... А ты знаешь, что я вѣрю предчувствіямъ.

Бѣлинскій: — Суетѣры!

Владиміръ: — Намедни я поѣхалъ верхомъ; лошадь не хотѣла идти въ ворота; я ее прищипорилъ; она бросилась и чуть-чуть я не ударился головой объ столбъ. Точно такъ и съ душой: иногда чувствуешь отвращеніе къ кому-нибудь, принудишь себя обойтись ласково, захочешь полюбить человѣка... амотришь—онъ тебѣ платитъ коварствомъ и неблагодарностью